

Л.Б. Прокопьева

Томский государственный университет

**Особенности поэтики перевода М.Н. Муравьева
оды Горация «К Талиарху» (I, 9)**

Аннотация: Статья посвящена анализу перевода М.Н. Муравьева оды Горация «К Талиарху» (I, 9). Первоисточник и перевод сопоставляются в лексико-семантическом, синтаксическом и эмоциональном планах. Достоинство перевода состоит в его близости по семантике и настроению произведению античного поэта. Также в статье отмечен вклад М.Н. Муравьева в развитие горацианских философских принципов в русской литературе. Опыт М.Н. Муравьева оказался плодотворным для поэта и для всей русской литературы XIX в.

The article is devoted to the analysis of M.N. Muraviev's translation of ode «To Taliarch» (I, 9) by Goratsy. The primary source and translation are compared in lexicosemantic, syntactic and emotional plans. The advantages of translation expressed in its affinity on semantics and mood to product of the antique poet are specified. Also in article M.N. Muraviev's contribution to development Goratsy's principle of the philosophy in the Russian Literature is marked. M.N. Muraviev's experience appeared to be fruitful for the poet and for all Russian literature of XIX centuries.

Ключевые слова: перевод, римская поэзия, Гораций, русская литература XVIII века, М.Н. Муравьев.

Translation, Rome poetry, Goratsy, Russian Literature of the eighteenth century, M.N. Muraviev.

УДК: 82.09

Контактная информация: Томск, ул. Ленина, 56. ТГУ, филологический факультет. Тел. (3822) 353535. E-mail: solmir@sibmail.com.

Девятая ода книги первой Горация – одна из многих в его творчестве, в которой римский поэт поднимает философскую проблему смысла жизни, выражает свои взгляды на принципы существования человека. Написана ода в форме обращения к виночерпию Талиарху, вымышленному персонажу [Гораций, 1947, с. 19], и представляет собой совет автора молодому человеку, как нужно жить, чтобы обрести радость, мудрость, спокойствие.

М.Н. Муравьев, глубоко проникшись морально-философскими идеями Горация, к 1776 году уже переводит четвертую оду «К Люцию Секстию» книги первой, содержащую схожие мысли, и в этом же году работает над переводом одиннадцатой оды «К Левконое» книги первой, посвященной также вечным вопросам человеческого существования. Таким образом, обращение М.Н. Муравьева именно к девятой оде «К Талиарху» нельзя назвать случайностью, он старается найти и находит близкие для себя положения в философии Горация.

Перевод М.Н. Муравьева был опубликован в 1778 г. в Москве в «Опытах трудов Вольного русского собрания» [Античная поэзия в русских переводах, 1998, с. 278]. До него перевод данной оды был сделан А.Д. Кантемиром не ранее 1739 года и впервые вышел в свет в книге А.Д. Кантемира 1762 года «Сатиры

и другие стихотворческие сочинения», изданной в Петербурге [Античная поэзия в русских переводах, 1998, с. 278].

Цели данной работы состоят в исследовании поэтики перевода М.Н. Муравьевым оды Горация, определении особенностей авторских художественных средств М.Н. Муравьева-переводчика и их связи с эстетикой классицизма и сентиментализма.

Девятая ода традиционна для Горация. В ней античный поэт, обращаясь к юноше Талиарху, советует радоваться тому, что даровали боги, и не загадывать о будущем, довольствуясь маленькими радостями жизни.

Приведем комплексный анализ нескольких отрывков из перевода М.Н. Муравьевым оды Горация и сделаем некоторые выводы.

Текст оды Горация:	Подстрочный перевод:	Перевод М.Н. Муравьева:
Vides ut alta stet nive candidum	Ты видишь, что от высокого стоит снега белый	Вобрази ты очесам Гор верхи, фалискам смежны,
Soracte nec iam sustineant onus	Соракт и уже не выдерживают бремени	Что кребты вздымают снежны Ко соседним небесам.
Silvae laborantes geluque	Леса отягощенные и морозом	Зри со мной древесно племя, Что снести не может бремя,
Flumina constiterint acuto?	Реки останавливаются резким?	Преклоняясь от снегов; Реки, забываясь разом, Не текут, скреплены мразом, И не ведают берегов [Муравьев, 1967, с. 263–264].
[Гораций, 1947, с. 19].		

Начинается ода обращением в виде вопроса, содержащего описание суровой зимней природы: гора Соракт и окрестные леса стоят в снегу, реки скованы льдом. Все ключевые образы этого отрывка отражены в переводе, однако сжатая выразительность строк Горация превратилась у М.Н. Муравьева в многословные описательные конструкции. Так, лаконичное начало *Vides* «Ты видишь», сразу обозначившее какого-то пока неизвестного адресата, переводится целой строкой *Вобрази ты очесам*, семантически близкой первоисточнику, но лексически вольной. Далее живописная и образно насыщенная фраза о покрытом снегом Соракте «*alta stet nive candidum / Soracte*» «от высокого стоит снега белый / Соракт» отражена длинным предложением в три строки: *Гор верхи, фалискам смежны, / Что кребты вздымают снежны / Ко соседним небесам*. В них заметна большая лексическая свобода М.Н. Муравьева: он выпускает точное географическое название горы, вносит свои словарные средства для воспроизведения национальных реалий подлинника, более подробного описания топографических примет местности, суровой зимы в горах, которые так высоки, что касаются вершинами небес. Располагаются они вблизи области, населенной фалисками (жители гористой местности, говорившие на языке, близком латинскому, с центром в городе Фалерии, находящемся около горы Соракт) [Любкер, 1885, с. 498]. Эпитеты Горация *alta* – «высокого» – (по отношению к снегу), *candidum* – «белый» – отражены в переводе прилагательным *снежны*, передающим яркую приметку этого времени года. Следующая емкая и выразительная картина, обозначенная римским поэтом, – это засыпанные снегом леса, которые поэтому гнутся под тяжелым грузом: «*nec iam sustineant onus / Silvae laborantes*» – «уже не выдерживают бремени / Леса отягощенные». М.Н. Муравьев мало добавляет от себя и в основном следует за Горацием: *Зри со мной древесно племя, / Что снести не может бремя, / Преклоняясь от снегов*. К лексическим отступлениям можно отнести отсутствующее в оригинале обращение к адресату *Зри со мной*, замененный перифразом *древесно племя* образ *Silvae* – «Леса» – и развернутую с помощью описательной конструкции *Преклоняясь от снегов* емкую фразу с глубоким подтекстом *laborantes* – «отягощенные». Заканчивается данный отрывок метафоричным изображением скованных льдом

рек: «geluque / Flumina constiterint acuto» «и морозом / Реки останавливаются резким». Семантически перевод тождественен оригиналу: *Реки, забываясь разом, / Не текут, скреплены мразом, / И не ведают берегов*. Вновь заметна попытка М.Н. Муравьева с помощью многословной фразы передать пластичный и выразительный образ Горация, при этом автор собственными поэтическими средствами отражает емкую метафоричность строк античного поэта: реки у него олицетворяются – *забываясь разом, ... не ведают берегов*, а найденное краткое причастие *скреплены* контекстуально близко к *constiterint* – «останавливаются». В целом первая строфа перевода демонстрирует композиционное и семантическое следование М.Н. Муравьева за Горацием: так же, как и в первоисточнике, начало его произведения посвящено описанию природы, которая изображена величаво и торжественно. Обращает на себя внимание традиционное для классицистов активное использование старославянизмов *очесам, крѣбты, небесам, зри, мразом*, кратких форм прилагательных *смежны, снежны, древесно*, деепричастных оборотов *преклоняясь от снегов, забываясь разом* и причастного оборота *скреплены мразом*. Эти приемы создают иллюзию древности, настраивают читателей на торжественную волну и готовят к восприятию высокой философской мысли. Активизации внимания, усилению личностного начала, что говорит о сентиментальном видении мира М.Н. Муравьевым, способствуют обращения (отсутствующие у Горация) *вобрази, зри*. Художественную ценность переводу придает авторские находки М.Н. Муравьева: метафора *древесно племя*, олицетворения *забываясь разом, не ведают берегов, снести не может*. Автору сразу удалось настроиться на эмоциональную волну оды античного поэта, относящегося к природе с любовью и уважением, понимающего ее мудрость и вечность.

Текст оды Горация:	Подстрочный перевод:	Перевод М.Н. Муравьева:
Dissolve frigus ligna super foco	Прогоняй мороз дрова поверх очага	Разложивши огонек, Прогоняй холодно время
Large geronens atque benignus	Много кладущий и щедро	И беседуй, дров беремя Повергая в комелек;
Deprome quadrimum Sabina,	Черпай четырехлетнее Сабинской	А для зимней непогоды, Что стоит четыре годы,
O Thaliarche, mecum diota.	О Талиарх, чистое вино кружкой.	То вино ты в чашу лей И тогда, мой друг любезный, Кинув ропот бесполезный, Насыщайся, не жалея.

От описания суровой зимней природы Гораций переходит в другое пространство: дома, тепла, уюта. Автор советует Талиарху забыть о том, что происходит за пределами его дома, и наслаждаться в этот холодный вечер теплом огня и чашей вина. Семантически этот отрывок распадается как бы на две части: в первой Гораций говорит о дровах в очаге, а во второй – о вине. Такая же логика сохраняется и в переводе (огонь, вино), однако три последние строки отрывка из стихотворения М.Н. Муравьева не имеют аналога в первоисточнике, но по смыслу соответствуют общей интонации произведения Горация. Начинается отрывок призывом прогнать мороз при помощи большого количества дров: «Dissolve frigus ligna super foco / Large geronens» «Прогоняй мороз дрова поверх очага / Много кладущий». Причем античный автор обращает внимание именно на количество дров (Large geronens «Много кладущий»), для М.Н. Муравьева же более важен сам факт существования надежного укрытия от злой непогоды (у Горация – frigus «мороз», у М.Н. Муравьева – синонимичный перифразный образ *холодно время*), домашнего очага, который он описывает подробно, используя глагольные конструкции *прогоняй, беседуй, разложивши, повергая*, существительные в уменьшительно-ласкательной форме *огонек, комелек*, призванные выделить значимость

для автора даже самого малого, личного, домашнего, что является принципиальным в поэтике сентиментализма. Кроме этого в переводе появляется акцент, отсутствующий в первоисточнике: М.Н. Муравьев, обращаясь к адресату, сразу призывает его к беседе у затопленного очага: *И беседуи, дров берем / Повергая в комелек*. Такая лексическая свобода перевода объясняется особой важностью для еще молодого автора сделать акцент на ценности дружеского общения с близким по духу человеком. Схожие мотивы обнаруживаются в прозаическом произведении М.Н. Муравьева «Обитатель предместья», написанном уже гораздо позже, в 1790 г. В нем, описывая горожанина, отдыхающего на лоне природы, уже повзрослевший, умудренный жизненным опытом М.Н. Муравьев много раз возвращается к теме важности дружеского общения: «Я имею приятелей, потому что без дружества человеку жизнь была бы неприятна. Как можно жить одному!» [Муравьев, 2001, с. 31], «Остаток дня проводили мы в приятных беседах» (в записи о своем старинном друге капитане Неслетове) [Муравьев, 2001, с. 33], «Мы не видали, как прошел вечер в приятных разговорах. Воспоминания, чувствования и мнения прошедшего времени снабжали нас новыми размышлениями. Иногда мы были противного мнения, но спорили без упрямства и уступали друг другу без огорчения» (о встрече с другом Алетовым) [Муравьев, 2001, с. 42]. А запись от 18 октября вообще начинается с лирического отступления, содержащего прямые параллели с одой Горация: «Мне так хорошо сидеть перед моим камином! Огражден от стужи твердыми стенами, одет мягкой волною агнцев, я наслаждаюсь произведениями всех частей света» [Муравьев, 2001, с. 43].

Далее в оде Горация следует призыв к Талиарху насладиться хорошим вином: «benignius / Deprome quadrimum Sabina, / O Thaliarche, merum diota» «щедро / Черпай четырехлетнее Сабинской, / О Талиарх, чистое вино кружкой». Обращает на себя внимание в этом отрывке характерные для Горация акценты на точные детали, оживляющие и расширяющие художественное пространство оды (название вина, его возраст). Для М.Н. Муравьева же, по-видимому, была более важна адаптация текста для русского читателя, передача настроения, эмоционального плана первоисточника и придание ему обобщающего, философского звучания, поэтому он выпускает все детали, имя адресата и вводит отсутствующую в оригинале антитезу: *А для зимней непогоды, / Что стоит четыре годы, / То вино ты в чашу лей*. Этому же подчинено и окончание отрывка перевода, который не имеет аналога в оде Горация. В нем наблюдается усиление лирического, интимного и в то же время обобщающего содержания за счет использования М.Н. Муравьевым обращения *мой друг любезный* (а не одически торжественного «О Талиарх», как в подлиннике). Еще раз звучит призыв забыть обо всех проблемах и наслаждаться настоящим: *Кинув ропот бесполезный, / Насыщайся, не жалея*. Такая лексическая свобода подчеркивает философско-нравственные принципы поэтики произведения М.Н. Муравьева, для которого важно было отразить в переводе жизненные установки мудрого человека, умеющего ценить все, что его окружает, и радоваться простым проявлениям земного существования.

Подобный сравнительный анализ всего подлинника и перевода позволяют сделать следующие выводы: в целом перевод М.Н. Муравьева оды Горация «К Талиарху» демонстрирует особое внимание поэта XVIII в. к передаче ключевых семантических образов и общего эмоционального плана произведения античного автора. В стихотворении М.Н. Муравьева переплелись черты классицизма и сентиментализма: сам выбор темы и во многом классицистическая форма произведения (о чем говорит большое количество старославянизмов) сочетается с вниманием к мелочам, с характерным для сентиментализма усилением личного начала. К достоинствам перевода, несомненно, можно отнести передачу пейзажа, изображающего красочную картину итальянской зимы, акцент на мудрость, красоту и величие обычной жизни простого человека, глубокое лирическое начало. Здесь особенности поэзии Горация и потребности, вкусы ранних русских сен-

тименталистов сошлись: тема оды созвучна не только классицизму, но и отвечает основному пафосу сентиментализма – культу нового лирического героя, рядового человека со своими простыми житейскими радостями. Да, многое зависит от богов, рока, но человек должен жить, не упуская своего счастья, пользоваться тем, что дарует судьба.

Синтаксический план двух произведений, конечно, различен. В соответствии с одическим каноном, традиционным для классицизма, перевод состоит из пяти десятистиший с определенной системой рифмовки (абаввгддг) и метра (4-стопный хорей). В результате произошло увеличение перевода по сравнению с первоисточником почти вдвое (у Горация – 6 строф по 4 строки). Кроме этого, как известно, ода Горация написана без рифмы, законы же русского стихосложения диктовали М.Н. Муравьеву свои условия. Однако ритмообразующие начало оды Горация М.Н. Муравьев попытался в своем стихотворении отразить. Ода античного поэта написана алкеевой строфой, одним из любимых размеров Горация. Эта строфа состоит из двух «алкеевых одиннадцатисложников» с цезурой, одного «алкеева девятисложника» и одного «алкеева десятисложника», что обеспечивает равновесие нисходящих и восходящих ритмов (в первом полустишии – восходящий ритм, во втором – нисходящий, и так в двух строках, в третьем стихе – восходящий ритм, в четвертом – нисходящий). Такое строение обеспечивает напряженное, ритмичное звучание стиха, и его М.Н. Муравьев передает четырехстопным хореем, очень четким, динамичным метром с сильным местом на первом слоге, со смешанной рифмовкой: abbacdeed (первые и последние четыре строки организованы охватной рифмой, две средние – смежной). Четырехстопный хорей относится к числу самых популярных размеров русской метрики XVIII века (наряду с шестистопным, четырехстопным и вольным ямбом). По мнению М.Л. Гаспарова, спецификой четырехстопного хорей является его связь с песней и один из вариантов этой связи: «песня анакреонтического содержания («анакреонтов 8-сложник»), родствен по звучанию четырехстопному хореему), и шире, всякой античной тематики» [Гаспаров, 2000, с. 193]. М.Н. Муравьев написал хореем единственное переводное стихотворение из Горация, отдавая предпочтение ямбу. Повидимому, в данном случае именно хорей был необходим поэту, чтобы обозначить свою связь с традицией античности, приблизиться к ритму первоисточника.

Но основная заслуга М.Н. Муравьева, в чьем творчестве складывается эстетика нового художественного направления, сентиментализма, – в чутком, заинтересованном отношении к литературным, философским принципам Горация, жизненные и творческие позиции которого были в основе своей близки М.Н. Муравьеву и получили свое воплощение и в других произведениях молодого, а затем и повзрослевшего и помудревшего поэта.

Литература

- Античная поэзия в русских переводах XVIII – XX веков. СПб., 1998.
Гаспаров М.Л. Метр и смысл. М., 2000.
Квинт Гораций Флакк. Избранные произведения (оды, эподы, сатиры). М., 1947.
Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. СПб, 1885.
Муравьев М.Н. Стихотворения. Л., 1967.
Муравьев М.Н. Обитатель предместия. // Русская литература XVIII века. М., 2001.